Пещерный бизнесмен

Вячеслав Смирнов

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Вячеслав Смирнов

Пещерный бизнесмен

«Автор»
2026

Смирнов В. Н.

Пещерный бизнесмен / В. Н. Смирнов — «Автор», 2026

Бизнесмен Ломов умер от выстрела в спину — и очнулся в каменном веке, в избитом теле изгоя по кличке Сопля. Здесь нет денег, юристов и диванных экспертов: есть кремень, кость, голод и система выживания, которая ведёт подсчёт по-честному. Босс, привыкший платить за всё, начинает бизнес с нуля — там, где вместо стартового капитала ловушка и засада.Ироничная литРПГ про человека, который в мире копий и шкур делает то, что умеет лучше всего: ведёт дела. Ведь цивилизация начинается не с колеса — она начинается со сделки.

© Смирнов В. Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 11
Глава 5 15
Глава 6 17
Глава 7 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Вячеслав Смирнов
Пещерный бизнесмен

Глава 1

Глава 1. Актив

Я, Ломов Алексей Юрьевич, бизнесмен, умер на охоте. Не в бизнес-войне, не в постели с любовницей, не в самолёте, который рухнул в океан. На охоте. С егерем-наркоманом, который «случайно» выстрелил мне в спину.

Последний охотничий сезон начался как обычно — с тщательной подготовки. Мой егерь Пётр, тот самый, что впоследствии стал моим убийцей, притворился, будто внимательно изучает прогноз погоды и следы зверей. На самом деле он уже тогда что-то замышлял.

Раннее утро выдалось на удивление ясным. Мы выехали на рассвете — я, егерь Пётр и пара охотничьих собак. Осенний лес стоял тихий, только изредка потрескивали ветки под ногами. Егерь, как обычно, много рассказывал про дичь, про лучшие места для засады, про свои прошлые охоты. Я слушал вполуха, больше думая о делах.

Подготовка к охоте заняла почти час. Мы расположились на небольшой поляне, откуда хорошо просматривались все подходы к водопою. Егерь расставил приманки, проверил ружья. Я выбрал удобное место для засады, укрывшись за старым дубом.

Первые часы прошли спокойно. Я наблюдал за лесом через прицел, отмечая каждое движение. Птицы перелетали с ветки на ветку, белки сновали между деревьями. Всё казалось обычным, почти умиротворяющим.

Атмосфера охоты действовала на меня странно — она всегда помогала отвлечься от бизнес-проблем. В эти моменты я чувствовал себя обычным человеком, а не успешным предпринимателем. Но сегодня что-то было не так.

Подозрительное поведение егеря я заметил ещё утром. Он был слишком разговорчив, слишком суетлив. Его бегающие глаза выдавали внутреннее напряжение. Но я отмахнулся от этих мыслей — жена преувеличивает, решил я тогда.

За секунду до выстрела я успел подумать: «А ведь жена предупреждала меня. Говорила: „Не нужно ездить с ним. Он какой-то странный, у него глаза бегают“». Я не послушал её. Потому что я — бизнесмен и привык самостоятельно принимать решения и доверять своей интуиции, а не жене, которая спит с моим замом.

Выстрел. Темнота.

А потом — боль. Не такая, как от пули. Другая. Тупая, тянущая, везде, во всём теле. Я открыл глаза и увидел кулак. Летящий мне в лицо.

Я не успел увернуться. Кулак врезался в скулу. Голова мотнулась. После — ещё, и ещё, и ещё они били меня в лицо, в грудь, по рукам и ногам. И так продолжалось до тех пор, пока я не потерял счёт. Я почувствовал привкус крови во рту, нос был разбит и, скорее всего, сломан. Мне было знакомо это чувство, так как я в молодости ходил в бокс. Но я не понимал: что происходит? Кто меня бьёт и за что?

От пинка в грудь я отступил на несколько шагов назад и еле удержался на ногах. Через щели заплывших глаз, залитых кровью, я уже почти ничего не видел: то немногое, что видел, расплывалось мутным пятном. Я услышал мерзкий смех. И снова пинок в грудь. Я упал и потерял сознание...

— Смотрите-ка, очнулся! — сказал кто-то. — Дрыщ очнулся!

Я попытался сфокусировать взгляд. Надо мной стояли трое. Молодые. Сильные. В шкурах. С копьями. Один — с наглой рожей. Видимо, главный. Он смотрел на меня, как на дерьмо, на которое случайно наступил.

— Ну что, уродец, — сказал он. — Понравилось? — Кликуха твоя прямо по тебе, Сопля. Ты его стоишь.

Я не понимал, где нахожусь. Не понимал, что происходит. Как я сюда попал?! Что, чёрт возьми, происходит?! И кто этот дрыщ — Сопля?

Но понимал одно: прямо сейчас меня бьют. И я не собирался это терпеть, где бы ни находился!

Я лёжа попытался пнуть ногой ближайшего и подсечь ноги другого. Вышло откровенно слабо. Тело не слушалось, было ватное, будто бы не моё. Но я попал первому в колено. Я знаю: это — больно.

Главный замер. Потом засмеялся. Но как-то зло и глумливо. Не так, как смеются над шуткой. Так, как смеются, когда хотят унизить.

— Вы видели?! Он ещё и огрызается, — сказал он. — Ну, держись.

И они снова принялись меня бить. Били долго: пинали ногами, били кулаками. Парутройку раз перепадало торцом копья. Меня калечили: я чувствовал, как трещат рёбра. Как ещё больше заплывает глаз. Как кровь течёт по подбородку. Я пытался закрываться. Пытался встать. Не мог. Тело было чужое: слабое и тощее. Это тело было не моё — тело дрыща. Но я не сдавался. Я почти не мог видеть их, но продолжал, хоть и слабо, отмахиваться. Чтобы они запомнили, что трогать меня чревато. Этот принцип я помнил со времён юношества: бейся насмерть, из последних сил, не давай спуску. И тогда в следующий раз, если прямо сейчас не убьют, они подумают: а может, не стоит со мной связываться?! И поищут жертву послабее.

Чтобы он, этот главарь, это тоже запомнил. Меня ударили очередной раз по голове, и я снова отрубился...

* * *

Очнулся я от того, что меня волокли. За ногу. По камням. Голова билась о выступы. Я хотел закричать. Но не мог. Горло пересохло. Я видел только спину того, кто тащил.

И слышал его бормотание:

— Вот тебе ещё один, Мох. Мять кожу. Если сдохнет — не переживай. Никому он не нужный балласт.

Меня бросили на пол.

— Ещё один? — сказал старческий голос.

— Ладно. Будет мять кожу, если сдохнет. Мне всё равно.

Я будто бредил: перед глазами мелькал текст какого-то документа, но я никак не мог на нём сфокусироваться.

Я лежал на холодном камне, и холод камня немного приглушал боль. Вонь стояла такая, что я думал, что меня вырвет. Везде, куда я мог хоть чуточку повернуть голову, — шкуры, какие-то кости, прокопчённый потолок и запах. Запах гнили. Я попытался слегка поднять голову и сквозь боль в затылке и щели заплывших глаз увидел старика. Сгорбленного. С кожей, похожей на старую сумку.

Он сидел на корточках и скрёб шкуру каким-то скребком.

«Господи, где я?! И кто я? Как я здесь очутился?! И кто этот полоумный старикан?»

Последнее, что я помнил, это то, что меня били. Били жестоко какие-то актёры с копьями.

Тело было разбито и болело везде. И оно не ощущалось моим. Так я пролежал очень долго, и не спал, и не был в беспамятстве. Как в наркозе. Почему был? Может, меня похитили и вкололи конскую дозу наркоза? Но тогда откуда эта всепоглощающая боль? Что это за место? Что они хотят? Выкуп за меня?

Чуть позже вспомнил и другое: я был на охоте, и в меня вроде стреляли, и даже вроде попали? А потом уже меня били, уже раненого? Я попытался пошевелиться, ощупать себя, но не смог. Похоже, я потерял много крови.

Старик занимался своими непонятными полоумными делами. Иногда куда-то уходил, и его подолгу не было. В эти моменты часто слышалась какая-то возня. Кто-то вздыхал, как будто стонал, и будто ходил по пещере и обнюхивал. Часто слышал, как урчит чья-то голодная утроба. Иногда он жёстко пердел. Смердело так, что я невольно старался реже дышать. Изредка слышался какой-то рык, который почему-то напоминал мне зоопарк. Да и запах тоже ощущался вроде как в зоопарке. Меня что, держат в зоопарке? А старик, похоже, кормит зверей? Он работает здесь?

Ночью какое-то животное, большая собака?.. обнюхало меня и принялось лизать мои ноги жёстким языком. И даже аккуратно взяло одну мою ногу в пасть и, сдвинув её, вылизало другую. Было немного щекотно, но приятно. Он тяжело и смрадно дышал. Из пасти его воняло. Прямо волкодав, алабай какой-то или сенбернар. Мне страшно не было: навряд ли мои похитители хотели меня скормить диким животным, если целью их было получить за меня выкуп. И я знал, что эти овчарки для человека были безобидны. Пёс лёг рядом со мной, за что я был ему благодарен, так как меня стал донимать холод. А так я сразу согрелся. Его космы лежали у меня на плечах. Наверное, его специально запустили на ночь ко мне, чтобы я не убежал. Но куда там! Я даже не мог толком пошевелиться. И впервые за всё время я хорошо и спокойно заснул. Ночью, ближе к утру, моя рука стала немного двигаться, и я, на секунду проснувшись, осмелился обнять пса за шею. Он даже не пошевелился. Утром кто-то дышал мне в пальцы рук, которыми я обнимал алабая. В полудрёме я оттолкнул его морду. Наверное, щенок какой-то.

Я ещё спал, когда кто-то прогнал животных. Уже был день. Было светло. Через какое-то время стало зябко. И я проснулся. Вернулся старик. Он постоял надо мной немного и, запрокинув сухую голову назад, как-то тихо и сипло, со скрипом посмеялся. Смеялся долго, после чего, наклонившись вперёд и опершись на колени старыми морщинистыми руками, отдышался и, вновь запрокинув голову назад, почти беззвучно скрипел в своём безумном смехе.

Должно быть, он глумился надо мной! В тот момент мне хотелось его жестоко покарать или даже убить самым изощрённым способом. Отсмеявшись, старик снова занялся своими безумными делами.

Время от времени старик давал мне попить из мерзкой кошачьей миски. И изредка из неё же меня кормил кормом для животных. Какая-то патока или каша без соли.

А через день или два я смог себя ощупать, и здесь меня ожидал форменный шок:

во-первых, хорошая новость: огнестрельной раны на теле я не обнаружил;

и во-вторых: тело было не моё. Тело какого-то молоденького пацана. Наверное, я умер и попал в тело этого пацана. Или же, как вариант, моё тело в коме, а меня подключили к игре в виртуальной реальности. И все эти ощущения — генерация ИИ игры. И именно этот вариант казался мне наиболее реальным, так как я был материалист и реалист. И не верил в сверхъестественное.

Ощупывал я себя лёжа, в тепле, ночью, в кромешной тьме, как и часто в последнее время, рядом с алабаем. Изредка пёс во сне тяжело вздыхал или сыто пердел. В такие моменты я его ненавидел.

«Фу, плохой мальчик», — говорил я ему и бил кулаком между лопаток. Пёс на это только стонал, почти как человек: «И-эг-ггъХэ», — типа отстань.

Что ж, утром посмотрим, в кого я попал и что это за место.

* * *

Глава 2

Прошло несколько дней, прежде чем я сумел сесть. Получилось с третьего раза: в первый голова закружилась так, что отнорок поехал по стенам, во второй подогнулись локти, и я снова лёг на лежанку из сухой травы. В третий раз я всё-таки выпрямился, сел и огляделся по-настоящему — не сквозь щели заплывших глаз, а как человек, который решил осмотреть приобретённое имущество.

Отнорок был маленький и вонючий. Каменный купол над головой, прокопчённый до цвета старой сметаны. В углу — груда шкур, пахнущих почему-то как будто мокрой псиной. В другом углу — кости, чьи-то, не мои, и слава богу.

В третьем углу лежал я. Лежанка из сухой травы была моей единственной собственностью — если считать собственностью место, где тебя нашли, выбросили и забыли. По меркам этой пещеры я жил примерно как акционер с пакетом в один процент: собственность есть, прав нет, дивиденды — каша без соли.

Старик скрёб свою шкуру, не поднимая головы, но я почувствовал, что он наблюдает. «Они всегда наблюдают, эти старики, — я потом ещё не раз в этом убежусь».

— Как звать-то тебя? — спросил он.

Я открыл рот. И тут из глубины пещеры докатился топот — тяжёлый, привычный к тому, что дорогу уступают.

В отнорок вошёл вождь.

Я понял это не по лицу — по тому, как изменился Мох. Он встал. Медленно, со скрипом, но встал и повернулся ко входу. За вождём вошли двое: один — крупный, с каменным топором на поясе; второй — и я узнал его раньше, чем услышал голос. Наглая рожа. Тот самый, из моего первого дня здесь. Тот, кто смотрел на меня, как на дерьмо, на которое случайно наступил.

Вождь прошёл по отнорку, как хозяин по складу. Потрогал шкуры. Поглядел на кости в углу. Потом посмотрел на Моха.

— Говоришь, зверь его не тронул? — спросил он.

— Не тронул, — сказал Мох.

— Хм.

Вождь произнёс это так, как произносят «зачислено». Потом положил руку на плечо наглой роже и подвёл его вперёд.

— Мой сын, — сказал вождь. — После меня он будет вождём племени. Ты наказан за то, что не проявил достаточного уважения к моему сыну.

И всё встало на свои места.

Не разбой. Не проверка. Дисциплинарное взыскание. В первую ночь я лёжа засадил кулаком по колену будущему вождю племени — и оплатил это ногами по рёбрам. В моём прежнем мире за такое увольняют с формулировкой «неприязненные отношения». Здесь за такое бьют. Зато разово: штраф, а не ежедневная пеня. Уже прогресс.

Сын вождя смотрел на меня сверху вниз. Он не улыбался. Он запоминал.

— Сопля ещё дышит? — сказал он. — Это ненадолго.

И я наконец понял, кто такой Сопля. Сопля — так звали это тело. Это не имя — должность: тот, кого бьют, когда под рукой нет сильных. Меня били не как чужака. Меня били как знакомого — на ком отрабатывают то, что боятся отработать на настоящих врагах.

Вождь ещё раз оглядел отнорок. Потом посмотрел на меня и спросил, не обращаясь к кому-то конкретно:

— Как его звать?

— Лом, — сказал я. — Сопля сдохла. Я — Лом.

Вождь смотрел на меня так долго, что я услышал, как где-то капает вода.

— Хм.

И вышел.

Сын вождя уже повернулся к выходу, но на пороге остановился. Вернулся — не спеша, будто забыл что-то. Наклонился, посмотрел мне в лицо, и легонько, носком, ткнул меня в бок — там, где ещё не зажило. Не сильно. Ровно настолько, чтобы я охнул и чтобы все услышали, что я охнул.

— Дыши пока, — сказал он. — Мне нравится, когда ты дышишь. Ты мне не нравишься.

И вышел, бросив через плечо взгляд, каким смотрят на должника, которому дали отсрочку. Топот стих.

Мох сел.

— Вождь никого и никогда не бьёт, — сказал он. — Бьют — его мальцы. Вождь запоминает. Кого запомнил — того не забудет. Никогда.

Потом снова посмотрел на меня.

— Ты хоть знаешь, что значит твоё имя?

— Нет, но оно короткое, как удар, и это мне нравится.

Старик почесал затылок — под ногтями что-то хрустнуло, и я решил, что лучше этого не знать. Потом кивнул, как кивают не согласию, а усталости.

— Ладно, Лом. Кожу будешь разминать, чтобы стала мягкой. Ну а если сдохнешь, мне всё равно: не ты первый, не ты последний.

— Не сдохну, — сказал я. — И кожу намну так, что ты удивишься.

Старик засмеялся. Второй раз за всё время, что я его знал. Хрипло, со скрипом, как будто в его груди пересыпали камни с ладони на ладонь.

— Ну-ну, — сказал он. — Посмотрим.

Глава 3

И тут в голове у меня вспыхнуло:
«Интерфейс выживания»
Статы:
Сила: 3
Ловкость: 4
Выносливость: 2
Интеллект: 12
Харизма: 5
Навыки:
Выживание: 1
Древо крафта: закрыто. Открывается по мере освоения.

Я моргнул. Меню не исчезло. Я моргнул ещё раз — оно мигнуло и свернулось в угол сознания, как окно браузера, которое ты не закрыл, но уже забыл про него.

Первая мысль была врачебной: сотрясение, гематомы, всё списываем на них. Был бы глюк, он бы исчезал. Глюк — это который уходит: не остаётся свёрнутым в углу сознания и не возвращается, когда ты его зовёшь. Этот оставался. Значит, работаем с ним как с данными, а не как с иллюзией.

Я прочитал его ещё раз, уже спокойнее, как читают выписку из банка, в которой вся правда о твоём состоянии. Сила — три. Я сейчас не поднял бы кейс, который в прошлой жизни носил одной рукой. Выносливость — два: я запыхался, просто сев на лежанке. Харизма — пять: справедливо, я никогда не был душой компании, я был тем, кто платит за стол. А вот интеллект — двенадцать. Единственный актив, который я не оставил в той жизни вместе с машиной, квартирой и неверной женой. Его не отобрали гопники с копьями. Его и не отберут.

А древо крафта было закрыто наглухо. Ни рецептов, ни туториала, ни даже надписи «нажмите сюда». Открывается по мере освоения — чем именно осваивать, не уточнялось. Это было похоже на систему, в которой админ уволился и не передал пароль: доступ есть, документации нет, учись на своих ошибках и присылай тикеты в никуда.

«Ладно, — подумал я. — Значит, я не просто сдох. Я сдох и попал в игру. Только вот правила мне никто не объяснил. Сейф открывается ломом. Я теперь Лом».

Глава 4

Мох кормил меня по остаточному принципу. Поначалу я принимал это за жадность. Потом посчитал и понял: это арифметика. В миске оказывалось ровно столько, сколько нужно балласту, чтобы дышать, и ни граммом больше. Мёртвому рабу кожа не нужна, живому хватает. Инвестор не кормит убыточный актив — он держит его на минимальном обслуживании до первого дивиденда или до списания.

Проблема была в том, что дистанцию от балласта до работника измеряют не желанием, а калориями. Чтобы мять кожу, надо сидеть. Чтобы сидеть, надо есть. Чтобы есть, надо мять кожу. Кредитная петля, замкнутая на моём позвоночнике: в прошлой жизни я платил консультантам за развёртывание таких структур, а теперь жил внутри одной из них.

Выносливость: 2. Система подтверждала расчёты без сочувствия. Контора, которая не врёт, противнее конторы, которая бьёт: у лжи всегда есть лазейка, у цифр — нет.

К пятому дню голод перестал быть фоном и заговорил голосом. Тихо и по делу, как коллектор: ты слабеешь, завтра тебе не хватит сил даже на то, чтобы умереть эффектно.

Я попробовал выйти за порог. Три шага — и стены поехали. Я осел на камень и дышал ртом, как человек, который поднялся пешком на двадцатый этаж. Система не запретила мне выход — она просто честно показала счёт. Хуже запрета только честность.

Пещера жила двойной жизнью. Вход был один — большой, парадный; глубже вход сужался и в глубине была развилка на два хода. Правый — широкий и разветвлённый, как головной офис: там, за барьерным костром в развилке, жило всё племя — шкуры вдоль стен, очаги, дети, собаки.

А левый ход костёр закрывал не полностью: зайти в него можно было, но для этого зверю приходилось пройти вплотную к огню. Большой зверь огня боится больше, чем хочет добычи, — поэтому хищники забредали в левую ветку редко. Днём — почти никогда, ночью, когда костры догорали, — случалось. Племя ссылало в эту ветку всех, кто воняет: кожевников, изгоев, штрафников. Нас, короче. Логика была рыночная: грязное производство — в отдельный цех, а заодно и персонал подальше от основного. Я выучил эту географию не глазами — ушами и носом: справа, сквозь камень, доносился приглушённый топот и гул голосов, а вокруг меня дышали шкуры и тлели очаги дубильной ямы.

За время, что я лежал, я выучил карту звуков лучше, чем карту ходов.

И вот в такие сумерки, когда у входа гас последний свет, у отнорка появились шаги. Тихие, крадущиеся. Так не ходят те, кому здесь разрешено ходить.

У края лежанки мягко шлёпнулось что-то лёгкое. Девушка. Молодая, худая, с пальцами, обожжёнными у огня, со взглядом, который старательно обходил меня стороной. Она положила у лежанки сложенный ладонью большой лист лопуха — на нём что-то было — глянула вглубь отнорка, не на меня, а мимо, и ушла так же беззвучно, как пришла. Шла она не от входа пещеры, а от глубины — оттуда, куда я и глазами не добирался. Так бывает, когда у дома есть выход, о котором знают только свои.

На лопухе были объедки. Кости с мясом, обглоданным чужими зубами. Обрывки, которые даже в этой пещере сочли ниже планки.

Я съел всё, включая хрящи. Потом долго сидел и считал. Благотворительности не бывает — это первая заповедь мира, из которого я пришёл. Значит, кто-то платит. Или ворует. И то и другое здесь, судя по всему, оплачивается рёбрами.

На следующий день она пришла снова — в тех же сумерках, теми же шагами.

И через день ещё.

На третий раз я не стал изображать спящего. Когда шаги остановились у входа, я сел.

Она замерла, положила лопух с объедками. На меня даже не посмотрела! И отвернувшись молча споро пошла обратно. А после, пройдя немного, нерешительно остановилась, повернулась, издалека меня осмотрела, будто бы боялась с кем перепутать, и бросилась ко мне — упала на колени у лежанки, и руки её пошли по мне сами: ощупывали рёбра, одно за другим, бережно и быстро, как перебирают рассыпанное; повернули моё лицо к отсвету углей, осмотрели заплывший глаз, разбитый нос, синяки под шкурой. Пальцы дрожали. Глаза были мокрые.

— Брат, — сказала она. — Как ты себя чувствуешь?
— Меня сильно избили. Я не помню тебя, прости, — сказал я.
— Зато я помню тебя, — сказала она. — Дурень. Ты изменился, брат. И этим немного пугаешь меня.

И назвала моё имя. Тот самый короткий звук, который тело помнило нервами, какой-то дрожью под кожей. Меня этим именем не звали — звали тело. Но ей было всё равно, кто теперь внутри. У неё не было выбора, кого любить: любила того, кто есть.

— Инара, — сказала она. — Меня зовут Инара. Ты поправишься и обязательно вспомнишь. Мы с тобой брат и сестра. Наша мама умерла при родах. Теперь я у шаманки. В услужении. И в обучении.

Инара. Имя звучало так, будто его принесли из другого мира — из моего. Не от места, не от зверя, не от боли, как здесь. Имя, которое выбирают, а не получают.

«В услужении и в обучении» прозвучало как одно слово: «долг».
Незаметно и ненавязчиво я осмотрел её. Инара не была красавицей, ну, по крайней мере на мой утончённый вкус, повидавшего немало красоток на подиумах и светских раутах. Худощавая, но и не анорексичка. Плечи чуть выступали, но не портили её. Высокий лоб, нос картошкой, слегка впалые щеки подчеркивали скулы. Красивые умные глаза, с небольшими ресничками и со слегка полноватыми дужками бровей дополняли её портрет. Шаманка поработала над её видом: на плечи и руки, и на лоб Инары были нанесены непонятные узоры татуировок. В общем примитивизм на взгляд человека из 21-го века. Волосы сплетены особым образом, как дреды, и сплетены в общую кому какими-то травами.

— Шаманка взяла тебя не за красоту, — сказал я.

— Она учит травам, настойкам, помощи женщинам при родах. Много чему, и часто такому, что каким словом назвать — не угадаешь. — Инара помялась, потом всё-таки добавила: — Её отнорок — особенный, очень большой. С промоиной в лес. Через неё она таскает травы, которые племени не показывает. — Она помолчала. — И она смотрела на тебя. Смотрела сквозь дым. Сказала: не тот вернулся.

— А ты что сказала?

— Что вернулся. — Она пожала плечами. — Она пощипала меня за ухо и ушла. Она всегда так делает, когда не права.

Я смотрел на неё и не мог уложить это ни в одну модель, которая у меня была. В прошлом мире никто не кормил убыточный актив из собственного пайка: жена имела вид на меня через зама, зам — через долю, консультанты — через счёт. Здесь худая девчонка с обожжёнными пальцами три дня подряд отдавала мне свой ужин, рискуя получить за это той самой нагайкой, которой шаманка бывает «не права».

— Тебе за это влетит, — сказал я.
— Влетит, — согласилась она. И впервые посмотрела мне в глаза. — Поэтому ешь давай.

В следующий её приход у неё была распухшей мочка уха. Я не спросил. Она не сказала. В моей бывшей жизни это называлось «недокументированные издержки» и учитывалось в ставке дисконтирования. Здесь она просто висела на ухе.

После её ухода Мох сказал, не поднимая головы:

— Шаманкина. Нечего ей сюда ходить. Скажет кто — и мне, и тебе влетит.

— Значит, никто не скажет, — ответил я.

Сила пришла не сразу. Но к исходу третьего дня я встал — по-настоящему, без стены в глазах. Система молча переписала строку: «Выносливость: 3».
Без поздравлений. Конторы не поздравляют — они фиксируют.

Речку я вспомнил сам — телом, а не головой. Меня к ней волокли за ногу в первую ночь, и тело запомнило повороты, как запоминают дорогу от дома до конторы: не глазами, а всей спиной. Я дошёл на второй день, когда ноги перестали подводить. Узкая, мутная, с отмелями — она текла ближе, чем я думал.

Моллюски нашлись на песчаных отмелях — двустворчатые ракушки, наполовину зарытые в песок. Собирать их — работа на пальцы и терпение: ведёшь ладонью по дну, как граблями, и ждёшь, когда под пальцами щёлкнет твёрдое. Дюжину я набрал примерно за полтора часа. Пескари оказались хитрее: мелочь размером с неполную ладонь, серебристая, юркая. Ловить её руками в мутной воде я даже не пытался — это спорт для тех, у кого Ловкость выше четвёрки.

Зато у меня было то, чего не было у рук, — способ договориться с водой. Я зашёл по колено в воду и, замутив её у дна ногой, замер, чуть приподняв пятку. Пескари шли на муть: сначала издалека, вдоль облачка мути, потом вплотную, терлись и щекотали пальцы ног. А

некоторые, самые наглые, лезли под пятку. И тогда я резко пяткой наступал и осторожно извлекал рукой песок вместе с рыбой и выкидывал его на берег.

К вечеру у меня было около двадцати раковин и шесть пескарей. Ракушки и рыбу я запёк в золе. Мясо моллюска на вкус... скажем так: продукт собственных рук всегда вкуснее. Я ел и впервые за две жизни не думал о цене.

«Навык „Собирательство“ +1. Навык „Рыболовство“ +1».

Вечером, в сумерках, когда пришли шаги, я положил на лист лопуха половину улова. Инара остановилась у входа, посмотрела на пескарей и ракушки, потом на меня. Молча забрала и ушла — но на пороге обернулась, и в этом взгляде было то, за что в прошлой жизни платят консультантам и не получают: она поняла, что долг вернули, и не стала делать вид, что это было одолжение.

Ночью я лежал сытый — впервые. И думал: голод — лучший бизнес-план. Он не оставляет места стратегии «подождём». У меня есть источник белка, который никто не оспаривает, и сестра, которая кормит меня своим ужином, — а значит, теперь я обязан её вытащить. Для этого нужен инструмент.

Утром я подойду к старику и попрошу кость покрепче.

Глава 5

— Мох, — позвал я старика. Его имя я услышал от того, кто меня волок, и запомнил — память у меня работала лучше, чем остальное тело.

— Чего тебе?

— Дай мне кость покрепче. И камень потвёрже.

Старик посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который на второй день после инфаркта записался на марафон. Потом всё-таки хмыкнул.

— Зачем это тебе? Ты что-то собрался делать?

— Хочу сделать себе нож.

— Нож? Из кости?

— Да.

— А сумеешь? Ты хоть знаешь, как нужно?

Я усмехнулся. Где-то глубоко во мне, в том месте, где застрял «настоящий я», в памяти хранились все выпуски «Науки и жизни» за десять лет, все статьи про выживание и все передачи про первобытных людей, которые когда-либо смотрел. Не скажу, что помнил идеально, но помнил. Особенно хорошо мне запомнился тот ролик, который я смотрел на Ютубе, когда был в отпуске: полулёжа в кресле и потягивая вино из бокала, с ногой на подлокотнике, — ролик про изготовление ножа из куска глыбы кремня. Тогда же я находил и смотрел где-то там и про другие ножи: каменные, костяные, ножи из вулканического стекла, сборные — из дерева, со вставными лезвиями из острого камня.

— Знаю, — сказал я. — Я много чего знаю. Просто раньше это не пригодилось.

— Откуда знаешь? — спросил старик. — Ну-ну, посмотрим: знать и уметь — это, знаешь ли, большая разница.

Кость я обрабатывал три дня. Не потому, что это было сложно, — потому что тело не слушалось. Руки дрожали после десяти движений, спина отказывала раньше рук, и я дважды падал с лежанки, как пьяный менеджер после корпоратива. Мох ворчал со своей лежанки: «Сдохнешь — я тебя за пещеру выкину», и в его голосе было ровно столько сочувствия, сколько бывает в уведомлении о штрафе. Но я упёрся. Не потому, что я такой упрямый, а потому что запасных вариантов не было: когда кредитные линии закрыты, работать приходится с тем оборотом, что уже (и пока ещё) есть в кассе.

На четвёртый день нож был готов. Костяной. Кривой. С одной стороны тупой, с другой — не очень острый. Он не пережил бы встречи с настоящим ножом из любого хозяйственного магазина моей прошлой жизни. Но это был нож. Мой первый актив. Первый предмет, который я сделал в этой жизни своими руками, — и который не заберёт ни жена, ни зам, ни егерь с ружьём.

«Навык „Изготовление орудий“ +1. Навык „Выживание“ +1. Получено: Нож из кости (базовый)».

В углу сознания мигнуло древо. Открылась ветка «Кость» — пока только наименование, без продолжения. Что откроется дальше, древо не подсказывало. Система работала по принципу «сначала сделай, потом узнаешь», и за время, которое мы с ней проведём вместе, я успею это ненавидеть и полюбить — примерно в равных долях.

Я сжал нож в руке. Тяжёлый. Тёплый. А самое главное — мой.

— Ну что, Мох, — сказал я. — Теперь научишь меня кожу выделывать?

— Дай, посмотрю, — сказал Мох, забирая нож из моей руки.

Старик повертел нож в руках, посмотрел на кромку — я чувствовал, как в его голове переворачивается что-то тяжёлое и неохотно встаёт на новое место.

— Ты не такой тупой, как я думал, — сказал он.

— Для первого раза. А ты ведь первый раз делаешь нож?

Я кивнул.

— Нож неплох.

— Да и я не стану учить тебя просто так: сделаешь и мне новый нож, и скребки те, что я тебе скажу. Старый я стал и плохо вижу, — сказал он.

— Хорошо, сделаю, — ответил я.

«Я кивнул. Впервые за всё время здесь мне назвали цену — прямо, без торгов и без «потом отблагодаришь». В прошлой жизни за такое я платил консультантам, и они брали дороже, а объясняли хуже. Старик торговался честно: он давал знание, я — изделия. Курс был понятен, и это мне нравилось больше, чем бесплатная каша из миски».

Глава 6

Дальше работа пошла быстрее — не потому, что я стал сильнее, а потому что у меня появился инструмент, а с инструментом приходит и наглость. Мох показал, как мять кожу. Как скрести её костяным скребком, снимая мездру, пока она не станет тонкой и податливой. Как дубить — вонючей жидкостью из коры и навоза, состав которой я предпочитаю не вспоминать, потому что эту мерзость готовлю до сих пор.

Вонь стояла такая, что я думал, будто глаза вытекут. Первые дни я дышал через рот и всё равно чувствовал её языком. Но я терпел, потому что в руках рос навык, а навык — это капитал. Деньги в этой жизни никто не примет: бумага здесь горит, а цифры на счетах не существуют. Навык нельзя отнять, он не попадает под опись имущества и не делится при разводе.

По указанию старика я сделал несколько костяных скребков; осмотрев их, он остался доволен.

Скребки я принёс ему на третий день. Мох взял первый, повертел, поскрёб ногтем по кромке, потом понюхал — зачем, я так и не понял. Второй отложил в сторону. Третий вернул мне.

— Этот плохой. Тупой.

— Он для мягкой кожи. Ты не сказал, для какой.

— Не сказал, — согласился он. — Ладно. Этот возьму. Но ты мне теперь должен ещё один.

— За что?

— За то, что я тебя учу думать, а не только скрёбки строгать.

Я не нашёлся, что ответить. В моём мире за такие формулировки брали отдельную плату и называли это «менторством».

«Навык „Кожевничество“ +1».

С момента попадания в этот дикий мир прошло пару месяцев. Дни я считал, как Робинзон Крузо в кино, — нанося палки прошедших дней на стене в дальнем углу пещеры.

Как-то по случаю я сделал шило из кости. Система никак не оценила это моё действо. Тем не менее я получил ещё один инструмент, так необходимый мне для работы с кожей.

Из обрезков кусков разных шкур я сделал себе подобие одежды: те шкуры, что были здесь, принадлежали племени, а я пока свою долю в этом не заработал. Из тех обрезков, что мне отдавал старик, казалось невозможным что-либо соорудить. Однако я сшил куски и получил кривую, косую, с рукавами разной длины — но тёплую одежду: куртку и длинные шорты, почти штаны. По ночам холод брал за горло, и я впервые понял, что в этой жизни смерть приходит не с копьём, а просто с температурой воздуха. Затем я сделал обувь — первую версию, пляжные шлёпки из кусков кожи, стянутых жилами и лентами из шкур.

«Открыта ветка „Кожа“. Крафт: Одежда из шкуры (базовая). Обувь (базовая). Навык „Крафт“ +1».

Подошва шлёпок довольно быстро пришла в негодность, стеревшись до дыр о мелкие камни при ходьбе. Пришлось переделать, сделать подошву из двух кусков коры дерева, стянутых поверху кожей. Эта обувь получилась шумной — при ходьбе шлёпки издавали стук. Да и качество подошвы было так себе: кора быстро растрескивалась, и от неё отлетали куски.

А позже я сделал подобие валенок с завязками на голенищах. Ходить в них было всё равно что ходить в жестяных коробках из-под обуви, но это были мои коробки, и, главное, ноги больше не мёрзли и не резались о камни и иглы растений.

«Открыта ветка „Кожа“. Крафт: Одежда из шкуры (базовая). Обувь (начального уровня). Навык „Крафт“ +2».

Я поставил силки на заячьей тропе — три петли из жил, привязанные к наклонённому кусту. Всё гениальное просто и потому работает: заяц идёт по своей тропе, петля затягивается, куст выпрямляется, заяц попадает в ловушку. Я не гнался за ним. Я создал условие, при котором он пришёл сам.

Утром я пришёл за добычей.

У ловушки стоял сын вождя. И вынимал моего зайца из петли.

Он это делал медленно и не спеша. И даже не посмотрел на меня — смотрел на зайца, как смотрят на вещь, которую нашли в чужом кармане и теперь решают, стоит ли возвращать. Потом поднял взгляд на меня, брезгливо осмотрел и спросил:

— Твоя? — спросил он.

— Моя, — сказал я. — Я поставил силки, отдай. Это — моя добыча!

— Ты поставил, — согласился он.

— А заяц — мой. Потому что земля моя. И всё, что на ней, — моё.

И забрал. Просто вынул из петли и унёс. Дружок его обернулся и подмигнул мне — вот это было хуже всего.

Я стоял и смотрел, как уносят мою добычу, моего зайца. И думал: силки работают, но я не могу стоять рядом с ними и охранять их. Если он придёт раньше меня — силки бесполезны. И вообще повадится с дружками постоянно снимать мою добычу. Это было неприемлемо. Значит, мне нужно оружие, что я могу бросить сам, добыть дичь и сразу унести. Что-то этакое быстрее копья. Что-то, что опутает ноги того же зайца, а не ждёт в кустах, становясь общественным достоянием.

Я посмотрел на себя в отражение мутной лужи у входа. Дрыщ в кривой шкуре. С костяным ножом за поясом. С ирокезом из грязных волос, который завязался сам собой, потому что я не стригся с того дня, как очнулся здесь. В прошлой жизни я бы испугался такого зрелища. Но я видел в зеркале и худшее — например, себя на совещаниях по реструктуризации. А тут — живой. И с планом на ближайшее будущее.

Глава 7

Первый достаточно большой кусок кремня я нашёл на осыпи за пещерой. Серые желваки сидели в известняке, как жёлуди в тесте, — я выковырял три, пока не свалил к ногам целый пласт. Мох смотрел на меня из-под руки, прикрываясь от солнца ладонью.

— Камень? — спросил он. — Камня тут везде хватает.

— Этот камень — правильный камень, — сказал я.

Кремень — это стекло, которое сделала природа, только без всякой рекламы. Он колется, как бутылочное стекло, оставляя раковистый излом, и кромка его режет тоньше стали. Я знал это из книжек, из передач, из роликов, где мужики в камуфляже выбивают искры о ножи из выживальческих наборов. Знать — не уметь. Это я уже проходил с огнём, с кожей и прочим.

Первые удары я завалил. Отщепы уходили в мусор, кость на пальце лопалась, мозоли рвались. Мох ворчал за спиной что-то, что я не хотел переводить. Но я упёрся — как упирается человек, который вкладывает в проект собственные деньги, а не инвесторские: свои руки, своя кровь, свои сбитые костяшки.

Потом что-то щёлкнуло. Не в голове — в руках. Ударная площадка. Угол. Отбойник. Отщеп пошёл длинный, тонкий, с краем, как бритва. Я не поверил сначала, а потом нащёлкал ещё — руки вспомнили то, чего никогда не знали, и я перестал им мешать.

Заготовок набралось около двадцати. Пять я выбрал, как выбирают кандидатов на собеседование; остальные отсеялись по несоответствию. Кромку подгонял отжимом — тупым обломком кости, отжимая мелкую стружку, пластинку за пластинкой. Пальцы были в крови, но это была плата по счёту, а не убыток.

К вечеру у меня был мой первый каменный нож. Кремнёвый. Лезвие — тонкая пластина. Спинка — тупая грань. Я вставил его в расщеп костяной рукояти и стянул жилой, а потом ещё и промазал тем самым клеем, рецепт которого Мох дал нехотя, как делятся рецептом фирменного блюда. Кончик ножа выглядел как штык. Так я его и назвал.

— Штык-нож, — сказал я Моху.

— Штык-нож? Что это? — переспросил он.

— Нож которым закалывают, ну типа копья, а в общем, забудь.

Старик повертел его в руках. Провёл пальцем по кромке — порезался, посмотрел на кровь на подушечке, потом на меня. И посмотрел по-другому. Не как на дышащее мясо, которое можно выкинуть за пещеру. Как на человека, у которого что-то есть.

«Открыта ветка „Кремень“. Получено: Штык-нож (кремнёвый)».

Система как то легко приняла моё название.

В прошлой жизни я покупал технологии — нанимал тех, кто умел. Здесь их добываешь руками: дороже, дольше, кровью. Зато силой отнять нельзя, а потерять — можно только вместе с руками или с головой.

Из бракованных осколков кремня я решил соорудить нечто вроде меча. На это дело я убил почти две недели. Времени ушло много, потому что сначала нужно было найти крепкий сук — я взял дубовый. И далее много времени я придавал ему нужную мне форму. При изготовлении этого меча я сломал свой первый кремнёвый нож. Пришлось переделать.

Далее с торца плоской части меча по контуру мне пришлось сделать круговой пропил. Это маленькое дело заняло у меня почти три дня.

И под конец я приготовил клей по рецепту старика и, заливая в пропил клей, подбирал и ставил осколки кремня, плотно пригоняя куски друг к другу, — сделал режущие кромки меча. Получилось вроде хорошо, но нужно испытать на охоте.

Из остальных кремнёвых пластин я сделал ножи на обмен.

К очередному возвращению охотников племени из охоты я положил свои изделия у стены возле барьерного костра. И стал ждать возвращения охотников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.